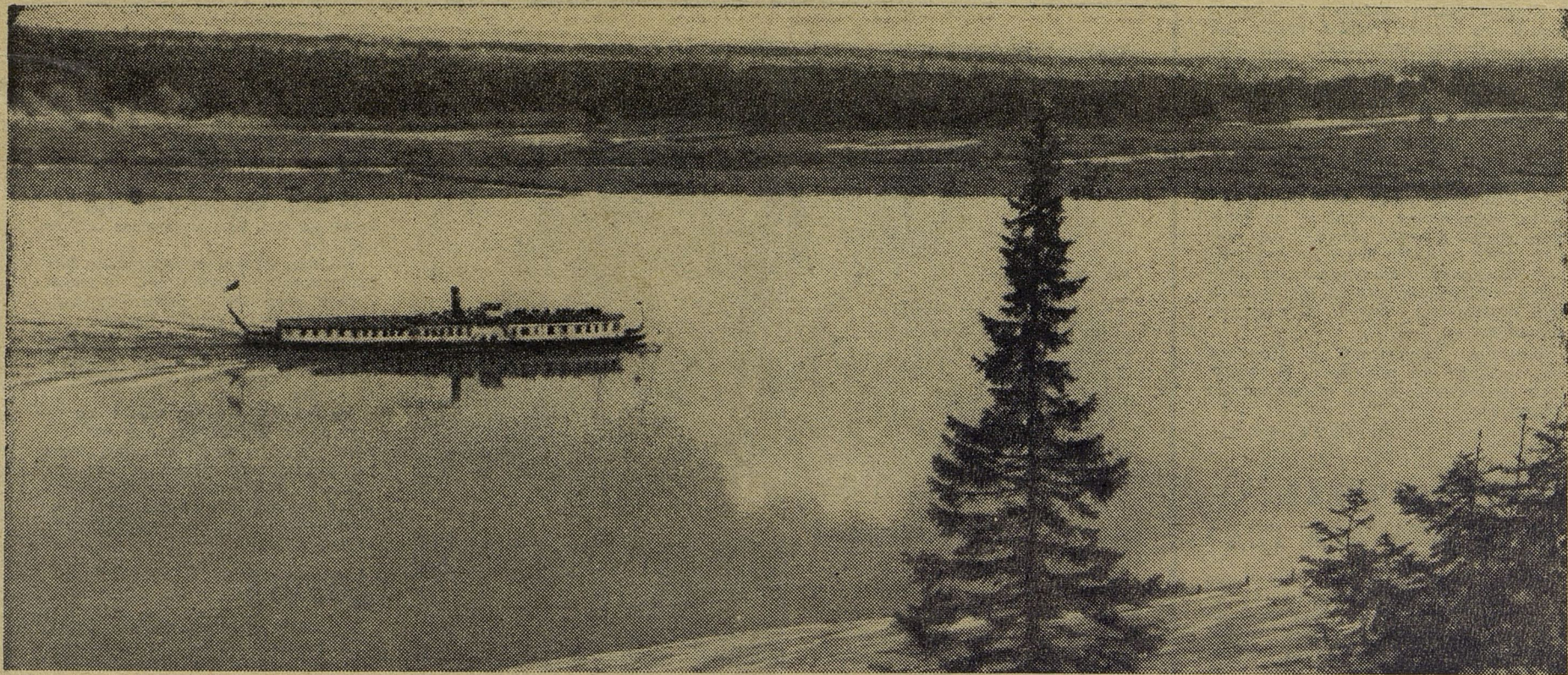

СЫН ОКИ

Народный артист СССР А. ПИРОГОВ

«Я не променяю Среднюю Россию на самые прославленные и потрясающие красоты земного шара. Всю нарядность Неаполитанского залива с его пиршеством красок я отдам за мокрый от дождя ивовый куст на песчаном берегу Оки».

К. ПАУСТОВСКИЙ.

КАЖЕТСЯ, нет такой области в средней полосе России, где бы не существовало села Новоселки. В некоторых областях можно обнаружить несколько сел с этим названием.

Родословная нашей семьи тоже началась в Новоселках. Стоит это село на берегу Оки, в нескольких километрах от Константинова, где родился замечательный русский поэт Сергей Есенин. Дед, отец, мать, братья, сестры — словом, все, кроме меня, происходят из Новоселок. Я родился в самой Рязани, куда постоянная нужда заставила уйти на отхожий промысел моего отца. Он был отменным столяром. Громадный дубовый стол, сделанный им в семьдесят лет, по сей день стоит у меня дома.

Отец устроился в плотницкую артель при рязанской духовной семинарии и вскоре перевез в город мать и детей. Нас было десятеро, и это никого не удивит. А вот то, что все пять братьев Пироговых (остальные — сестры) обладали могучими басами, любопытно. Этот редкий дар достался нам от деда Ивана, окского бурлака.

— Ну какой примерно голос был у деда? — спросил я однажды мать. — Как у меня? Или, может, как у Григория, или Михаила?

— Как тебе сказать, Шура... — задумалась она. — Дед в артистах-то не служил, да и пел только в большие праздники, когда как следует выпивал... В избе его слушать — нипочем не вытерпишь, оглохнешь. Кабы вы, все пять братьев, изо всей мочи разом гаркнули, пожалуй, вроде деда вашего голос и получился бы... А на чей голос походил — не скажу, не знаю.

Каждый из нас, братьев Пироговых, начинал жизнь по-своему, однако на выбор жизненного пути неизменно влиял один и тот же человек — старший брат, Григорий Степанович. Если мы с братом Алексеем и сестрой Марией учились в гимназии, этим мы обязаны Григорию. Сам он окончил всего три класса школы и стал первым помощником отца в его плотницких делах, ездил с артелью на приработки.

Как-то Григорий возвращался поездом домой. В вагоне полным-полно, воздух такой, что не продохнуть. Плотники высыпали в тамбур, открыли дверь, уселись на ступеньках. Был тихий летний вечер. Беспредельная окская пойма, красавица река, алые от заходящего солнца прибрежные

пески навяли на Григория лирическое настроение, и он запел.

Едва брат умолк, из соседнего вагона вышел хорошо одетый господин. — Кто это сейчас пел? — спросил он у плотников.

— Я пел, — смутившись, сказал Григорий.

— Послушай, молодой человек, да ведь у тебя замечательный голос!

— Так уж и замечательный... — окончательно сконфузился брат.

— Замечательный... Я-то в голосах понимаю, дружище. Вот что, дорогой, возьми-ка мой московский адрес. Учиться тебе надо, из тебя выйдет настоящий оперный певец.

— Оперный?! — растерянно повторил Григорий. — Я в грамоте не очень-то силен.

— Ничего... Для того и зову в Москву, чтоб учился.

Попрощавшись, человек ушел. Григорий прочитал в записке фамилию: Песчанский. Она ему ничего не сказала. Потом уже выяснилось, что Песчанский — московский меценат.

Приехал Григорий домой сильно взволнованный и рассказал родным о встрече в поезде.

— От каких же это достатков ты петь будешь? — набросился на него обычно спокойный и уравновешенный отец. — Добро бы, в церкви надумал петь, а то поди... Ремесло тебе в руки дадено, и хватит...

Великий был авторитет отца в доме. Никогда и никому из нас не пришла бы в голову мысль ослушаться родителей. Но желание Григория стать певцом оказалось сильнее. Послушный и нежный сын, он вопреки воле отца и матери уехал в Москву.

С БОЛЬШИМ ТРУДОМ при содействии Песчанского брат поступил в Московское филармоническое училище, в класс известного певца М. Е. Медведева. Чтобы учиться петь, надо было заработать на хлеб насущный, и брат устроился рабочим в чайную фирму Перлова.

Четыре года занятий в училище были полны неустанного труда. Помимо специальных занятий, Григорий проходил и «ликбез». Всякому, кто знал старшего брата, не могло и в голову прийти, что его исключительно интересный, образованный собеседник всего-навсего обучался грамоте у сельского дьячка.

Весной 1909 года Григорий Степанович Пирогов успешно дебютиро-

вал в партии Нилаканты на сцене Мариинского театра в Петербурге. Вскоре он поехал в Москву, в Большой театр, быстро и уверенно занял там почетное место среди выдающихся мастеров русской оперной сцены.

Как вокальный, так и творческий диапазон Григория был неслышанно велик. Даже у драматических актеров есть свое определенное амплуа. Оперного певца еще более ограничивает голос. Трудно, например, представить себе замечательного и разностороннего актера Михаила Ивановича Жарова в роли Чацкого, еще труднее поверить, что настоящий мощный бас способен легко петь баритональные партии. Певцы знают, как трудна партия Демона, иному баритону она просто не под силу. А я до сих пор не могу забыть, как пел ее Григорий, который нигде не позволял себе облегчить тональности. Великолепный баритональный звук и басовая мощь сочетались в его голосе, создавая истинное «демоническое» звучание.

А как перевоплощался Григорий! Помнится его граф Томский... В умение носить костюм, в походке, в жестах, в благородной, чуть небрежной манере петь чувствовался прирожденный аристократ. Иное впечатление оставлял его царь Додон. Вместо фигуры — огромная рыхлая туша, приводит И. Ремезов воспоминание одного из зрителей в своей книге «Г. С. Пирогов»: одутловатые щеки, сонные свиные глазки, медвежья походка, а самое главное — огромный, но тупой, глупый звук. Куда девался замечательной красоты и мягкости голос?

Известный итальянский маэстро Дельфино Менотти, прослушав Григория Степановича в партии Руслана, а затем в партии Додона, никак не хотел верить, что обе роли исполнял один и тот же артист. В первом случае Менотти поразило исключительное бельканто, красота тембра, во втором — его шокировал «тупой», хотя и мощный звук.

Скоро тридцать лет, как мы простились с Григорием. Он скончался в сорок семь лет. Гражданская панихида собрала тысячи москвичей. Народ видел в Г. Пирогове, моем старшем брате, выдающегося мастера вокала, ценил в нем не только талант — талант можно истратить попусту, — но и упорство, трудолюбие, которые превратили природный дар в жемчужину русского искусства.

Пробившись сквозь сословные и кастовые рога, брат завоевал признание не только зрителей, но (накоп-но!) и собственной семьи. Я не шучу: дольше всего проявляли настойчивость к своему первенцу родители. Им казалось, что петь может только тот, у кого достаток, а в нашей семье его никогда не было. И все же время сделало свое. Родители примирились с мыслью, что их старший сын — артист. Этому немало помогло одно обстоятельство. Пришел однажды домой взволнованный и обр-радованный чем-то отец.

— Мать! Подумай только, шел я сейчас мимо собора, а городской мне честь отдал.

— Да что ты, отец! С чего бы это?

— Как с чего? Кто отец Григория Пирогова? Не я разве?

— И то правда... — согласилась

мать. — Гришу теперь, почитай, вся Россия знает. Да и кто бы стал платить такие деньги за пение, кабы это не большая работа была...

И ВСЕ ЖЕ тогда в глазах родных старший брат ни в какое сравнение с Михаилом не шел: Григорий беса в театре тешил, а Михаил пел в церкви, богу служил.

В тот самый день, когда рязанские священнослужители обратили на Михаила, обладателя феноменального голоса, свое внимание, началась горькая человеческая драма. Михаил никогда не тяготел к «духовному служению», однако церковникам удалось «посвятить» его в сан дьякона. Голос, который мог бы стать украшением лучших оперных театров мира, обрел на постепенное затухание.

Меня часто спрашивают: у кого из братьев Пироговых был самый лучший голос? Ни секунды не колеблясь, я называл и называю Михаила. Мне не довелось слышать баса, равного его голосу по силе, красоте и диапазону. Михаил легко брал любую ноту от «до» большой октавы до «ля» первой октавы. Даже крайние ноты у него получались на редкость естественными и полнозвучными: густой орган внизу и колоссальной силы, звенящие металлом ноты в верхнем регистре.

Когда Михаил пел в церкви, туда собирались не только верующие, но и рязанцы — любители пения. Кончалась служба, и на улице начиналось горячее обсуждение того, как искусно и какую ноту взял Михаил. Поклонники его таланта удивлялись мощи и красоте голоса, восторгались им так, будто они находились не в храме, а в оперном театре. Церковникам это казалось страшным нарушением церковных устоев. Епископ рязанский обратился со специальной проповедью к прихожанам, в которой разнес и Михаила, и тех, кто «из божьего храма театр учиняет».

После революции Михаил поступил певцом в оперу С. И. Зимина. Но к тому времени его голос только отдаленно напоминал о прежней красоте и мощи. Мешало брату и отсутствие музыкальной культуры. В этом я убедился в «Демоне» Рубинштейна, где Михаил играл роль Старого слуги, Григорий — Демона, я — Гудала. Церковь отняла у искусства человека, который имел все данные стать его слабой и гордостью.

Михаил, отличавшийся богатырской силой, огромным ростом и необычайно крепким здоровьем, погиб нелепо — утонул в собственной квартире, загнув над книжкой шахматных задач.

Не менее трагично сложилась и судьба третьего брата — Ивана. У него тоже был исключительный по тембру и диапазону голос.

Иван был тогда еще очень молод. Перед самой империалистической войной старший брат вызвал его в Москву, хотел учить пению. Но грянула война, и Ивана призвали в царскую армию, в окопы. Там он схватил скоротечную чахотку и умер. Ему было всего 23 года.

САМЫМ БЛИЗКИМ мне по возрасту является четвертый брат — Алексей. Мы с детства очень дружили с ним. Окончив рязанскую гимназию, Алексей блестяще выдержал экзамен в Московское филармоническое училище. Педагоги прочили ему большое будущее. Но тут нача-

лась война, и он тоже ушел на фронт. Потом революция мобилизовала Алексея, и на протяжении всей гражданской войны он занимал ответственные должности в Красной Армии.

Вокальное искусство берет человека целиком, требует от него непрерывной тренировки и самосовершенствования. Певец не должен терять ни одного часа, ни одной минуты. Голос подобен стали: он утрачивает эластичность, гибкость, если его не шлифовать изо дня в день. А Алексей не мог в течение десяти самых лучших в жизни лет заниматься вокалом.

Вернувшись к мирному труду, он увлекся драматическим искусством, работал в студии имени Ф. И. Шаляпина вместе с М. Астанговым, О. Абдуловым, снимался в первых советских фильмах. Один из них — «Крест и маузер» — считается приметной вехой в истории советской кинематографии. Алексей играл в этом фильме главную роль.

Позднее он возвратился в оперу, пел в Ташкенте, Свердловске, Новосибирске, Саратове. Потом поступил в Большой театр, где дебютировал в партии Нилаканти в опере «Лакме» Делиба. За пятнадцать последующих лет Алексей спел такие партии, как Галицкий («Князь Игорь»), Мельник («Русалка»), Иван Грозный («Псковитянка»), Досифей («Хованщина»). Он был первым исполнителем роли Митьки в московской постановке оперы И. Дзержинского «Тихий Дон». Эту его работу вся пресса отметила как актерскую удачу.

ХОХОТ и гам стоят в коридоре рязанской классической гимназии, где я учусь. Гимназисты толпятся у карикатуры. Изображен некто в шикарном фраке. На месте головы — полудетская фотография. Под рисунком подпись: «Певец в душе — Александр Пирогов».

Я присутствую при сем и смеюсь вместе со всеми. Веселье нарастает. — Внимание! Внимание! — перекрывает шум звенящий голос Мити Языкова, впоследствии профессора медицины. — Гастроли солиста его императорского величества, прославленного баса без голоса Александра Пирогова! Концертное турне: Милан — Париж — Вена. Заключительный спектакль состоится в селе Новоселки, у старого хлебного амбара...

Шутка эта, в сущности очень добродушная, почему-то обижает меня...

бывал поступить куда-нибудь в хор — самые заухудшие церковные хоры отреагировали от меня, как только слышали мое душераздирающее пение. И все же я был глубоко убежден, что стану певцом. Вероятно, биография старших братьев вселяла в меня эту надежду.

Мне не исполнилось и шестнадцати лет, когда голос все-таки «прорезался». Не какой-нибудь там тенорок, а бас. Однажды, когда, по моему глубокому убеждению, дома никого не было, я запел. Не прошло и нескольких минут, как из соседней комнаты выбежала старшая сестра. На глазах у нее были слезы.

— Никогда еще так не смеялась, — пояснила она. — Ну и поешь ты!..

После этого я свои вокальные опыты перенес на берег Оки. С лугов, бывало, тянет пьянящим запахом свежего сена. Кругом ни души. Изредка с беспокойным криком пролетит чайка, рыба гулко ударит под самым яром. Где-то далеко-далеко подтянет мне басом пароход. А я сижу и пою, получая от этого несказанное удовольствие. Пою до хрипоты, тайком, ибо далеко не уверен, что мое пение не вызовет вновь смеха у кого-нибудь, как это случилось с сестрой.

В шестнадцать лет я отважился выступить в ученическом концерте в дворянском собрании Рязани. На этом вечере случайно присутствовал корреспондент одной из московских газет. Вскоре в ней появилась заметка, где говорилось о «брате известного певца П., совсем юнце, который поет сильным басом». Заканчивалось все словами: «Вот так гибнут у нас в России таланты».

Вслед за газетой пришло от Григория грозное письмо. Он категорически запрещал мне производить какие-либо пробы голоса и вызывал к себе, под Москву: «Хочу послушать тебя». Ехал я к брату хотя и с большим волнением, но в полной, честно говоря, уверенности, что ошеломлю его своим голосом. Еще бы! Уже начала кружиться голова от комплиментов. Когда пою, все звенит вокруг. В гимназии меня «признали».

Предвкушая сладость похвал, начал петь. Почувствовав, как звенит голос, приободрился. Закончил и победоносно взглянул на Григория.

— Ну как!

— Ничего особенного, — лениво протянул он, к моему великому изумлению. — Бас как бас. Далеко тебе

дится на сцене тому, у кого не хватает общей культуры.

В результате этой беседы я стал студентом историко-филологического факультета Московского государственного университета и слушателем филармонического училища. Помню, как был счастлив, когда ко мне по наследию от Алексея перешла старая студенческая куртка. Шутка ли, я настоящий студент!

Великие события, свершившиеся в стране, коренным образом повернули жизнь людей. Революция вовлекла в свое бурное течение Алексея, сделав его красным командиром, она же превратила мои занятия и направила в так называемый передвижной театр Революционного Совета. В 1920 году меня как военнообязанного отправили в Пермь, только что освобожденную советскими войсками от Колчака. Там я работал и как певец, и как организатор Политпросвета, создавал первые красноармейские клубы.

Я с гордостью хранил фотографию, где снят с группой красноармейцев. На снимке надпись: «Дорогую учительню!» Так величали меня, двадцатилетнего парня, худого, нескладного, первые мои зрители, слушатели и судьи — бойцы Красной Армии.

Голодали в то время все, голодали и артисты. Постоянное недоедание истощало меня до такой степени, что я серьезно заболел. Много еще лет театральные портные мучились, когда выпускали меня в спектаклях. В любой роли они вынуждены были подкладывать «толщинки», чтобы придать моей фигуре статность, мужественность, мощь.

Выздоровев, я отправился в Москву продолжать музыкальное образование. В 1922 году по конкурсу прошел в Свободную оперу С. И. Зимина — впоследствии филиал Большого театра.

ОПЕРНАЯ СЦЕНА, общение с умными, высокообразованными людьми, чтение книг и, конечно, непрерывное совершенствование профессиональной и общей культуры — все это стало моими «университетами».

Мне многое довелось спеть, со многими интереснейшими людьми встретиться на сцене, и я знаю, что среди оперных певцов бывает немало споров о том, что самое главное в работе над партией, от чего надо отталкиваться, с чего начинать.

Лично я всегда начинаю с литературного первоисточника. Если роль историческая — Борис Годунов, Иван Грозный, Степан Разин или фельдмаршал Кутузов, — детально изучаю исторические материалы, эпоху. Затем учу текст. От слова иду к музыке. Завершив изучение партии, перехожу к «впеванию». Я считаю, что стержня роли, ее драматической линии не схватить до тех пор, пока не запоешь партию полным голосом. Поэтому даже на репетициях никогда не пою вполголоса. Полный, безупречно звучащий голос помогает найти правильный путь решения сценического образа.

Многое в трактовке образа рождается на репетициях, в работе над ролью дома. Но подлинно художественный образ возникает только в процессе спектаклей, в результате общения со зрительным залом. Ошибаются те, кто думает, что к премьере партия бывает целиком готова. Нет, только на публике я выясняю, нельзя ли петь и играть лучше, точнее, доходчивее. Но и в дальнейшем вокальные и сценические поиски продолжаются до тех пор, пока спектакль сохраняется в репертуаре.

Образ подобен раскаленному железу: выхваченное из горна, оно начинает темнеть, затем становится черным. Образ, лишившийся пламени спектакля, претерпевает те же превращения: быстро остывает, теряет первоначальную яркость, приобретает налет серости, покрывается антихудожественной окалиной.

Очень обидно бывает наблюдать за теми молодыми исполнителями, которые позволяют себе медленно накапливать репертуар. Приходит такой юнец в театр и сразу же успокаивается. Он учит ровно столько партий, сколько дирекция поручает ему, столько арий, романсов или песен, сколько требуется, чтобы спеть два-три номера в очередном концерте. Ни творческого горения, ни творческой жажды такой молодежь не испытывает. Дома он не работает, уроки с концертмейстером отбывает, как в старое время солдат отбывал воинскую повинность, от репетиций и спектаклей уклоняется. Откуда у молодого артиста психология ремесленника, кустаря-одиночки? Кто привил ему неуважение к труду в стране, где труд — творчество, духовная потребность, удовольствие, радость?

Кто и когда убил в нем жажду художественного творчества?

Артист не смеет уповать только на свое дарование. Без повседневного, упорного, черного труда нет и не может быть таланта. Дарование — что нож: пока он остер, все можно разрезать им. Но если вы перестанете его точить, шлифовать, чистить — он затупится, потускнеет, заржавеет, и тогда ему грош цена.

Я встречал много артистов, обладавших в юности немалым талантом и подававших большие надежды. Надежды не сбылись, таланты поплыли, голоса увяли. Эти певцы сошли со сцены, не оставив следа в оперном искусстве. Никого, кроме них самих, винить нельзя. Они закопали свои таланты собственными руками. И это тем обиднее, что Советская власть поставила их в такие условия, каких не имел ни один русский артист до революции и каких поныне нет ни в одной капиталистической стране.

Трое моих братьев — Григорий, Михаил и Иван — обладали великолепными голосами, а как труден был их путь. Мне повезло: когда я становился на ноги, меня поддержал старший брат, а затем я очутился под могучим крылом матери — революционерки. Но даже юность моего поколения нельзя сравнивать с судьбами современной молодежи.

Я ЧАСТО вспоминаю тех художников, у кого учился мастерству. Трудно передать, сколько полезного дал мне замечательный дирижер Вячеслав Иванович Сук, как много помогал добрыми советами современник Чайковского, Римского-Корсакова — хормейстер Ульрих Иосифович Авранек, как обогатила меня работа с замечательным дирижером Николаем Семеновичем Головановым.

Я всегда любил и люблю Самуила Абрамовича Самосуда. Это дирижер совершенно особой формации. Он настолько глубоко знает законы сцены, так вникает в детали постановки оперы, которой дирижирует, что является как бы вторым режиссером. Самосуд на редкость чуток к певцу. Петь с ним большое удовольствие. Это не только мое субъективное мнение. Кто-то из артистов очень хорошо сказал: «Самосуд нянчит певца».

Из режиссеров я всегда ценил работу с замечательными постановщиками, такими, как В. Лосский, Н. Смолич, Л. Баратов. В. Лосский, например, никогда не импровизировал на самих репетициях, все мизансцены он продумывал дома, манипулируя фигурками и переставляя их десятки раз. Поэтому и репетиции у него шли слаженно, ритмично. Певец-актер чувствовал себя центральной фигурой. Его не подавляли монументальные декорации, колокольный перезвон, чрезмерная роскошь обстановки, за которыми в иных постановках не видно действующих лиц.

Всем своим поведением мастера учили нас, молодежь, не только исполнительской технике, но и творческой самокритике. Эти люди никогда и ничем не удовлетворялись, они всегда находились в пути, в мучительных поисках нового. Если говорили: «Хорошо», — это означало всегда лишь оценку того, что сделано сегодня, сейчас, в данный момент.

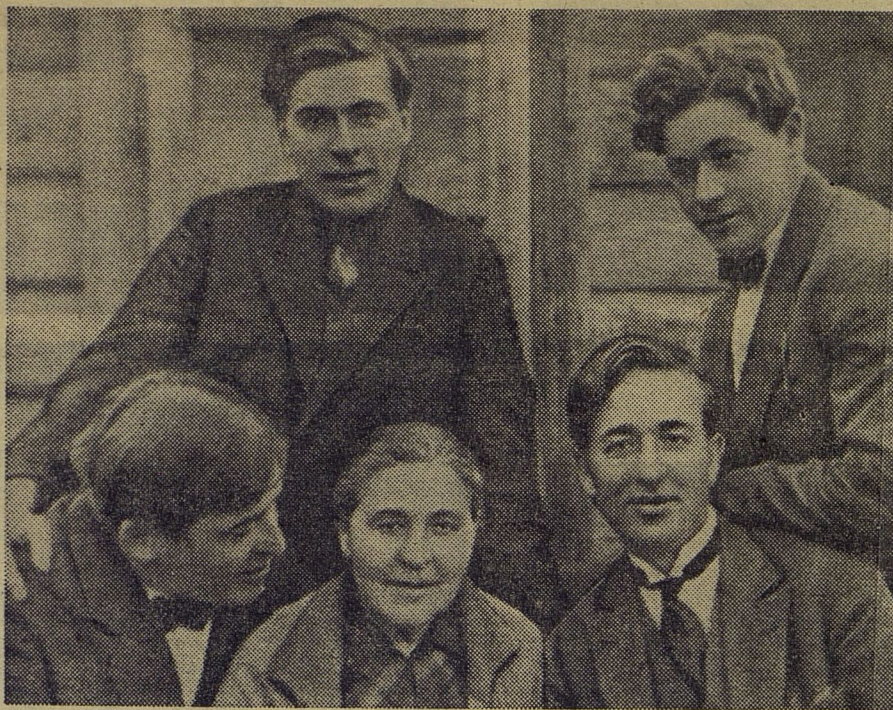
Нет и не может быть образа, который бы артисту удалось исчерпать до конца, в котором бы не оставалось каких-либо неизвестных артисту секретов. Арсенал изобразительных средств певца-актера неисчерпаем. С годами он пополняется и видоизменяется в зависимости от исполнительской техники, общей культуры, возраста. Да-да, и возраст! То, что прощается актеру в двадцать лет, могут не простить ему в более зрелые годы.

Творческая зрелость облегчает мастеру создание новых образов. С течением времени обостряется его художественное видение, он замечает такие тонкие нюансы, какие ему были недоступны в юности. Это в одинаковой мере относится и к классике, и к современному репертуару.

Конечно, нельзя в достаточной степени объяснить публике, сколько черной и кропотливой работы заключается в искусстве актера, с виду столь доступном и легком. Никто не может представить, насколько сложна творческая лаборатория оперного артиста. Каждая роль — это слияние вокального и драматического начала. Артист должен не только спеть партию, но сыграть ее.

ОБЫВАТЕЛИ уверены, что искусство приносит его служителям легкий хлеб, сытую жизнь, бездумное веселье и наслаждения.

Нет, актер ведет жизнь, полную труда и самоограничения. Хороший певец соблюдает железный режим дня. Он не допускает никаких снисхождений к себе, никогда и ни в чем.

Семья Пироговых (слева направо): сидят Михаил, мать Марфа Нефедовна, Григорий; стоят — Алексей и Александр.

К нам подходит инспектор гимназии Владимир Иванович Маштаков. Он преподает нам русскую литературу, и мы все по-настоящему любим его уроки и его общество. Человек прогрессивных взглядов, Маштаков мастерски читал произведения классиков, прививал нам любовь к родной литературе, учил чувствовать и ценить сокровенную прелесть русского языка. В его обществе мы всегда вели разговоры на высокие темы, и он поощрял наши шумные споры.

Обняв меня за плечи, Владимир Иванович вполголоса говорит:

— Ну его, Сашок. Придет час, встретимся в Большом театре. Мечты всегда сбываются, если сильно чего-нибудь захотеть...

Я действительно мечтал о том, что буду петь в Большом театре, хотя и не обладал в те дни даже отдаленными признаками голоса. Много раз про-

до старших братьев, Шурок... Пока ты всего-навсего «подбасок».

Я был безмерно оскорблен и унижен. Рухнули мои самые радужные надежды...

Брат ушел купаться, а я, оставив ему довольно сухую записку, уехал, не простившись, в Рязань.

Спустя много лет Григорий признался, что был в восторге от моего голоса, но боялся похвалить, чтобы я не стал петь раньше времени.

ПОЛУЧИВ в 1916 году аттестат зрелости, я не без помощи Григория перебрался в Москву. В первой же беседе он предупредил меня:

— Хочешь, Шурок, быть настоящим артистом — учись...

— Я подал заявление в филармоническое училище...

— Мало, Шурок! Поступай в университет. Знаешь, как трудно прихо-